

**Визуальные образы и вещно-предметная атрибутика
раннесоветских празднеств -
инструменты коммеморативной стратегии власти**

Раннесоветские празднества выполняли важнейшую функцию в легитимации прихода большевиков к власти, они были ориентированы на создание соответствующих коллективных воспоминаний о событиях революционной истории, прежде всего, о ключевом для режима событии – Октябрьской революции. Празднества стали важнейшим полигоном для создания и апробации новых исторических мифов. Однако эту новую историческую мифологию предстояло не только создать, апробировать, но и внедрить в сознание широких масс, в историческую память советских поколений. Трансляция новой исторической мифологии в широкую общекультурную сферу стала одной из важнейших задач большевистских организаторов празднеств и творцов «праздничной» политики.

Историческое сознание и память широких полуграмотных масс - носителей неписьменной культурной традиции, - во многом формировали непосредственные аудиовизуальные образы и эмоциональные впечатления, полученные в процессе празднеств, и в большей или меньшей степени подкреплявшиеся различного рода устными или письменными нарративами.

Проблема сопряженности визуального и вербального при анализе визуальных источников сегодня беспокоит многих исследователей. Некоторые из них считают, что изучение и интерпретация визуальных источников без вербальных некорректны, поскольку чреваты впадением в грех гиперинтерпретации со всеми вытекающими последствиями – включая искажение авторского замысла и т.н. «смерть автора».

Творцы раннесоветских празднеств тоже были озабочены этой проблемой и также опасались неверных интерпретаций. Правда, разумеется, из дру-

гих соображений. «Символический универсум»¹ советской культуры только формировался, она легко оперировала самыми различными символами и образами. Как в свое время верно подметил В.Паперный, характеризуя ранне-советскую культуру (культуру «один»)², она обладала способностью заставить «чужое» говорить «свое». Но это «свое» должно было быть четко артикулировано. Визуальные образы должны были быть верно «прочитываемы».

В качестве одного из способов предохранения от неверного «прочтения» визуального образа творцами советской праздничной культуры было изобретено, например, одновременное, параллельное использование вербального и визуального символа. Так, в 1922 г. в петроградском журнале «Красный Октябрь» был помещен «портрет Владимира Ильича Ленина, выступающий на фоне текста первых шести глав Конституции РСФСР» работы академика Смоликова³. Идею охотно подхватили в центре и в провинции. Например, к празднику 25-летия РКП(б) в 1923 г. создатели праздничного номера комсомольской газеты «Клич юного коммунара» в Казани точно так же решили двуединую задачу вербализации и визуализации одного из главнейших символов юбилейного события: передовая статья, посвященная партии и Ленину, представляла собой его портрет, составленный из букв текста этой статьи⁴.

Однако намного более надежной гарантией «правильного» прочтения в общекультурном контексте революционной исторической мифологии и их закрепления в культурной памяти поколений было формирование связанного с этой мифологией устойчивого визуального ряда, каждый элемент которого вызывал бы четкие коннотации. В первое десятилетие революционные советские мифы тщательно и под все более пристальным вниманием власти визуа-

---

¹ Термин П.Бергера и Т.Лукмана. См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. М., 1995. С. 160, 167-168.

² См.: Паперный В. Культура «два». Ann Arbor, 1985. С. 17, 31-32, 59, 81, 112, 119, 150-153, 173, 185, 231.

³ Красный Октябрь. Пг., 1922. С. 3.

⁴ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее - ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 1. Д. 855. Л. 33 об.

лизировались живописных произведениях самых различных жанров – от недолговечных плакатов и лубков до написанных маслом и водворенных в государственные галереи картин «мэтров» советской живописи, а также в вещно-предметной атрибутике, выпускавшейся к праздничным датам и событиям.

Особенное внимание уделялось дешевым живописным жанрам, близким народу, малограмотным массам: лубку и «народному портрету». Так, конкурс на плакат, который носил бы «характер лубка», объявлялся Центральной Комиссией ЦИК СССР к 20-летию революции 1905 г. в 1925 г. Темы, которые надлежало визуализировать, были оговорены заранее – 9 января (Кровавое воскресенье), движение в войсках и флоте (восстание на броненосце «Потемкин»), декабрьское вооруженное восстание в Москве, карательные экспедиции в различных районах России, революционное движение 1905 г. в общем, революционное движение на окраинах⁵.

На заседании Октябрьской юбилейной Комиссии Президиума ЦИК СССР 28 апреля 1927 г. организаторы празднеств апеллировали к дореволюционным визуальным практикам как способам трансляции каких-либо сюжетов или популяризации персоналий. Скажем, Розен вспомнил существовавшие раньше «душеспасительные плакаты, стоившие 3 – 5 копеек», о Страшном Суде, о Ваньке-Каине, о царе Салтане и пр. Он подчеркивал необходимость создания по их образцу таких плакатов-лубков об эпохе революционной борьбы, Октябрьской революции. Его горячо поддержал секретарь Комиссии М.Ф.Владимирский: «Раньше у тех же Никольских ворот за 5 копеек покупали портреты разных белых генералов и так далее». Он сетовал, что, пройдя по базару, не обнаружил там дешевых портретов Ленина, а в магазине они были слишком дороги – по 1 рублю, и недоступны широким массам на-

---

⁵ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 74. Л. 96, 98б.; Д. 75. Л. 56. Среди одобренных плакатов-лубков были такие: «Крестьянский расстрел» Карыгина, «Крестьянская порка» Горелова, «Митинг» Никонова, «Восстание на Пресне» Карпова и плакат с таким же названием Пчелина, «Еврейский погром» Сварога,

селения⁶. Владимирский на другом заседании призывал «дать возможность крестьянину пустой угол, который у него образовался со снятием портретов генералов, завесить нашими советскими картинами, портретом Ленина»⁷.

В результате 13 мая 1927 г. Секретариат Комиссии принял решение об издании и популяризации многоцветного удешевленного портрета Ленина⁸. Летом 1927 г. АХРР выпустила, по заданию Комиссии, серию лубков и народный портрет Ленина. Помимо недорогого (по 5 копеек) «народного портрета» Ленина, столь же дешевые (по 10 копеек за штуку) восьмикрасочные лубки⁹ визуализировали упрощенную хронологическую схему истории революции. Так, серия «Октябрьские дни» включала 12 лубков: «Расправа с крестьянами накануне Октября», «К восстанию!», «Земля – крестьянам!», «Высадка матросов с броненосца «Аврора»», «Керенский в погоне за подкреплением», «Бегство Керенского из Гатчины», «Штурм Зимнего дворца», «Арест Временного правительства», «Захват Кремля», «Изъятие излишков», «Паника на бирже», «Крестьяне у Ленина»¹⁰ (обилие «крестьянской» тематики прямо указывало на адресата этой продукции: она предназначалась, в первую очередь, для распространения в деревне.). В регионы рассылался специальный проспект, выпущенный 100-тысячным тиражом и рекламировавший юбилейную продукцию АХРР – значки, серии лубков (в том числе о «новом быте»), серию посмертных портретов «пламенных революционеров», альбом деятелей ВКП(б)¹¹.

Исторические мифы, востребованные раннесоветскими празднествами, визуализировались и в произведениях «высокого» искусства - например, живописи, - помещавшихся в государственные галереи. В 1923 г. в Москве был издан небольшой альбом «От рабства к Советам», составленный по картинам

---

⁶ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 21. Л. 90, 94.

⁷ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 60.

⁸ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 97.

⁹ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 21. Л. 95 об.; ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 28. Л. 21 – 22.

¹⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 401. Л. 83.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 21. Л. 95; ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 401. Л. 80 – 83 об.

Музея революции СССР¹². В нем, среди прочих, были представлены репродукции картин Пчелина «Казнь Разина», Чепцова «Пугачевщина», Кардовского «Декабристы в ссылке», Коссана «9 января», Горелова «Взятие Зимнего дворца». Таким образом, альбом представлял широкому читателю зримый образ этапов революционной борьбы в России. К 10-летию юбилею революции специальная Комиссия Совнаркома СССР занималась приобретением художественных произведений и заказами на произведения об Октябрьской революции. В частности, ею были заказаны либо приобретены скульптурные изображения представителей революционного пантеона: «Голова Ленина» Вялова, «Стенька Разин» Сыченко, бюст М.Бакунина работы Б.Королева, скульптура «Побежденный Пугачев» Фриххара, и др.¹³

Центральная праздничная Комиссия при ЦИК СССР также заказывала скульптуры и картины для Музея революции СССР, который должен был стать одним из главных творцов и транслятором визуальных образов революции. Весьма любопытен список картин, которые Комиссия предполагала закупить и заказать к юбилею. Этот список, фактически, - концептуальное описание визуального ряда «героического периода» советской власти, истории революции и гражданской войны. История 1917 г. должна была визуализироваться в 11 сюжетах, основным содержанием которых были классовые бои, штурмы, демонстрации в Петрограде и Москве, антивоенные выступления на фронте: «На Знаменской площади в февральские дни 1917 г.», «Февраль на фронте», «Приезд Ленина в Петроград», «3 июля 1917 г. у дома Кшесинской», «У Таврического дворца в Февральские дни», «Демонстрация 21 апреля», «Братание Корниловской дивизии с членами Петроградского Совета», «Разоружение большевистских полков на фронте», «Взятие Зимнего 25 октября 1917 г.», «У Никитских ворот в Октябрьские дни в Москве», «Взятие телефонной станции в Москве». Двадцать полотен должны были увековечить ключевые для советской исторической мифологии события на фронтах граж-

---

¹² От рабства к Советам. Художественный альбом, составленный по картинам Музея революции СССР и др. М., 1923.

¹³ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.

данской войны, в том числе: «Бой под Бугульмой», «Расстрел бакинских комиссаров», «Выступление чехословаков в Челябинске», «Взятие Казани», «Поход Таманской армии», Выступление японцев в Никольске на Амуре в 1920 г.», «Наступление Юденича на Петроград», «Бой на острове Мудьюг (Северный фронт)», «Взятие Перекопа», «Дивизия Гая под Варшавой в 1920 г.», а также такие важные внутривойсковые события периода войны, как «Взрыв в Леонтьевском переулке», «Покушение на Ленина», «Восстание левых эсеров (1918, Бой в Трехсвятительском переулке)», Кронштадское восстание 1921 г.¹⁴. Одним из интереснейших художественных предложений, окончательно отклоненным в феврале 1927 г. ввиду отсутствия достаточных средств, были неоднократные предложения художника А.Н.Чеботаревского (начиная с 1923 г., затем к 20-летию юбилею революции 1905 г., к 10-летию Октября) о создании в Москве панорамы или диорамы на один из наиболее популярных сюжетов по истории революции 1905 г., Октябрьской революции и гражданской войны: «9 января 1905 г. на площади перед Зимним Дворцом», или «Атака Зимнего Дворца в Октябре 1917 г.» или «Взятие красными войсками Перекопа» и пр.¹⁵

Показательно, что объектами художественного воплощения в произведениях живописи становились сюжеты, бывшие наиболее популярными и востребованными революционными празднествами и инсценировками: штурм Зимнего дворца (картина А.Осмеркина «Взятие Зимнего дворца» и И.Владимирова «Осада Зимнего дворца»), расстрел 26 бакинских комиссаров (картина И.Бродского «Расстрел 26 бакинских комиссаров» и горельеф С.Меркурова под тем же названием), «Кровавое воскресенье», взятие Перекопа, и др. Ярчайший пример влияния мифологии празднеств на изображение событий в живописи, литературе и на историческую память широких слоев народа – это нарочитая карикатурная феминизация личности А.Ф.Керенского. В ходе петроградских празднеств 1920 г., а затем и провин-

---

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 74. Л. 66 – 67, 100; Д. 75. Л. 85; Д. 20. Л. 41 – 47, 87.

циальных празднеств, фактически, были легитимированы слухи 1917 г. о его бегстве из Зимнего дворца в платье сестры милосердия. Этот миф и далее усердно культивировался вполне официально: как было сказано, в 1927 г. сюжет «Бегство Керенского из Гатчины» вошел в юбилейную серию лубков АХРР. Он оказался настолько устойчивым, что нашел отражение и в популярной литературе, и даже в живописи. В Третьяковской галерее хранится картина Г.М.Шегалы «Бегство Керенского из Гатчины в 1917 г.» (1936 – 1938 гг.), запечатлевшая этот сюжет.

Местные власти также старательно визуализировали нужный образ революции¹⁶ и ее «человеческое лицо». Так, к 5-летнему юбилею Октября праздничная комиссия в Татарской республике предписывает помещать в праздничных номерах периодических изданий, выпускаемых к празднику, «клише: снимки рабочих-участников Революции, снимки погибших героев, портреты вождей революции и т.д.»¹⁷. В эти годы Казань славилась прекрасными художниками, особенно мастерами графики, работавшими на темы революции. Сюжеты революционной истории, истории Октября и гражданской войны, революционные праздники и образы революционных вождей и советских лидеров нашли отражение в 20-е годы в ряде произведений, многие из которых были написаны к праздникам, таких казанских художников, как Н.И.Фешин («Восстание в тылу Колчака», портреты А.В.Луначарского, К.Маркса), П.П.Беньков («Митинг в цирке», портрет В.И.Ленина), Г.А.Медведев («Обстрел Казани с Услона», «Поход Стеньки Разина»), К.К.Чеботарев («Революция») и др.¹⁸ К 10-летнему юбилею Октября здесь

---

¹⁶ Например, Одесская Октябрьская Комиссия 1927 г. заказала картины на такие местные сюжеты истории революции и гражданской войны, как «Стычка с гайдамаками», «Рабочие читают подпольный «Коммунист»», «Приход Красной Армии в Одессу» (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 19. Л. 322).

¹⁷ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 127. Л. 19.

¹⁸ Дульский П.М. Искусство в Татарской республике за годы революции С. 210 – 215.

была запланирована большая художественная выставка произведений по темам, утвержденным праздничной Комиссией¹⁹.

К 1927 г. образ революции в Татарской республике формировали во многом серии плакатов «История ВКП(б)» – 56 серий (по 25 номеров в каждой) на русском языке и 60 серий (по 24 номера в каждой) – на татарском²⁰. Но эти плакаты были выпущены не в Казани, а в Москве, и распространялись централизованно. К 10-летию революции значительное место в визуальном ряду как в центре, так и в регионах занимали централизованно издававшиеся различными организациями (например, Обществом политкаторжан) по решению праздничной Комиссии при ЦИК СССР плакаты и портреты²¹. К этому времени «центр» уже тщательно контролировал и визуальную продукцию, выходящую на местах. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 29 июля 1927 г. и Президиума ВЦИК от 29 августа того же года издание на местах художественных произведений, плакатов и прочей визуальной продукции без предварительного просмотра их агитационно-зрелищной подкомиссией праздничной Комиссии Президиума ЦИК СССР было запрещено²².

Важным каналом трансляции мифологии раннесоветских празднеств в культурную память населения стал мир вещей, «культовых» предметов, связанных с празднеством, напоминавших о нем. Некоторые из этих вещей имели лишь конкретно мемориальное назначение: значки, нарукавные повязки, жетоны и т.д. непосредственно предназначались для вспоминания праздничного/поминального события и передачи памяти о нем потомкам. Столичные Центральные праздничные Комиссии начали выпуск праздничных жетонов,

---

¹⁹ Как подчеркивал председатель республиканского отделения АХРР И.Никитин, казанское отделение АХРР объединяло почти 100 % художников и архитекторов города, включая 68 человек, в том числе 19 художников-живописцев, 18 архитекторов и инженеров. Казань ненамного отставала от Москвы по части количества выставок АХРР: если в последней за 1922 – 1926 гг. было организовано 8 выставок, то в Казани – 5 (НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1063. Л. 31, 33 – 35 об.).

²⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 401. Л. 171; НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1062. Л. 131.

²¹ НАРТ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 1530. Л. 211.

²² НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1062. Л. 93.

медалей и знаков уже в 1918 г.²³. В честь 5-летия Октября такой значок-жетон был издан в количестве 150 тысяч штук²⁴.

Издавались значки и жетоны и на местах. И также под эгидой местных Комиссий. Так, в конце зимы 1924 г. Центральная Комиссия при ТатЦИК по организации траурной демонстрации по случаю смерти Ленина объявила свое исключительно монопольное право на издание портретов, фотографий, значков, фигур, бюстов и других изображений Ленина и на устройство конкурса художественного увековечивания памяти вождя²⁵. Однако на деле их издание часто «делегировалось» Комиссией другим организациям. В частности, ЦК Деткомиссии в тот же год были выпущены марки и карточки «Прощай, вождь»²⁶. Ко Дню республики 25 июня и к Октябрьской годовщине 1925 г. рекламно-издательское бюро республиканской газеты «Кзыл Татарстан» и издательство газет и журналов при ТатЦИК «Гажур» по разрешению Комиссии выпустили красные нарукавники, соответственно, с однодневным знаком «Пять лет Татарской республики» и с памятным знаком в честь 8-й годовщины революции²⁷.

Особенно интенсивно увековечивалось в значках и других мемориальных предметах празднование 10-летия Октября. Значки к юбилею готовили как центральные, так и местные организации и комиссии. Однако постановлением Совнаркома СССР от 21 июня 1927 г. монопольное право их издания было предоставлено Осоавиахим СССР, а местным комиссиям выпуск значков был запрещен²⁸. Заметим, что выпуск мемориальной продукции имел –

---

²³ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1987. С. 27, 291, 319, 480. Приведенные там памятные медали и один жетон в честь первой годовщины Октября представляли изображения символов труда (скрещенные топор и молот, плуг, колосья), знамен, аллегорических фигур и фигур рабочего, крестьянина, представителей нерусских народов, лозунги «Да здравствует свобода!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Товарищи, оповестим мир о социализме!», «Вся власть Совету!».

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 163. Л. 60.

²⁵ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 371. Л. 31; Д. 516. Л. 7.

²⁶ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 372. Л. 59 об.

²⁷ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 621. Л. 57 – 60; Д. 620. Л. 35.

²⁸ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1056. Л. 109 об. – 110.

помимо агитационно-пропагандистского – и весьма прагматический интерес: средства от реализации должны были идти в фонд обороны страны.

Многие организации не желали смириться с монополией, тем более, что выпуск значка Осоавиахимом не заладился²⁹. Это было констатировано официально 23 сентября 1927 г.³⁰. Битвы за право выпуска праздничной атрибутики начались еще до объявления монополии и продолжались даже после - вплоть до конца октября. Секретариату Комиссии президиума ЦИК СССР приходилось то отклонять ходатайства МОПР, Монетного двора и др. организаций о выпуске различных знаков и монет³¹, то призывать к порядку АХРР³², Деткомиссию ВЦИК и Отдел охраны материнства и младенчества (Охматмлад) Наркомздрава. АХРР, еще в апреле 1927 г. проведя конкурс на значок к 10-летию Октября, летом выпустила юбилейный значок, заявив, что он был разрешен Центральной юбилейной Комиссией при ЦИК СССР³³. На массивном медном, с эмалью значке, выпущенном АХРР, было изображено римское число «десять», а на обороте – серп и молот³⁴. А 26 октября Секретариат опроверг газетное сообщение Деткомиссии ВЦИК и Отдела охраны материнства и младенчества (Охматмлада) Наркомздрава о том, что выпущенная ими праздничная продукция одобрена Комиссией³⁵. Мало того, что

---

²⁹ 7 июля Секретариат Комиссии ЦИК СССР даже рассматривал возможность приобретения Осоавиахимом для распространения по СССР юбилейного значка (серп и молот с датами «1917 – 1927»), выпущенного за границей немецкими коммунистами, приславшими его для утверждения в СССР. См.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 119; Д. 25. Л. 65.

³⁰ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 130.

³¹ Так, 22 марта 1927 г. Секретариат Комиссии президиума ЦИК СССР отклонил ходатайство МОПР об издании юбилейного нагрудного знака памяти Красной Гвардии и ходатайство Монетного Двора о выпуске юбилейной медали и рубля. См.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 90 об. 30 июня Секретариат Комиссии Президиума ЦИК СССР отверг просьбу Монетного Двора о предоставлении ему исключительного права изготовления юбилейного значка, сославшись на монополию Осоавиахима. См.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 112.

³² 30 июня 1927 г. Секретариат Комиссии Президиума ЦИК СССР указал Правлению АХРР на незаконность выпуска им юбилейного значка без утверждения Комиссией и запретил распространять его. См.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 112. Дело в том, что

³³ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 21. Л. 95; ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 401. Л. 82 об.

³⁴ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 25. Л. 61.

³⁵ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 20. Л. 132.

эти организации самовольно выпускали праздничную атрибутику, так еще и рекламировали ее в печати со ссылкой на одобрение Комиссии.

Кроме того, если многие местные комиссии и организации подчинились монополии, даже отказались от своих прежних решений о выпуске собственных значков, как Киевская³⁶ и Татарская комиссии³⁷, то другие (вроде Днепропетровской и Вятской) таки выпустили свой значок³⁸. Вдобавок, несмотря на все усилия «центра», «незаконная», т.е. неутвержденная Комиссией продукция, усиленно и массово распространялась в регионы – через областные Деткомиссии, подотделы охраны материнства и младенчества, АХРР и прочие организации, закупавшие эту продукцию и продававшие ее на местах³⁹.

Помимо чисто мемориального значения, мир праздничных вещей и атрибутики имел и бытовое функциональное назначение. Праздничные перстни⁴⁰ украшали советских модниц. Выпущенные к 10-летию Октября агитфонари со сменными диапозитивами, формой сечения напоминавшие пятиконечную звезду, освещали жилища и клубы⁴¹. «Художественно-световые звезды» с портретом Ленина посередине, выпущенные Обществом «Долой неграмотность» и рекламно-издательским бюро по разрешению праздничной Комиссии ко Дню республики и к Октябрьской годовщине в 1925 г., ук-

---

³⁶ Киевская Комиссия выпустила памятные жетоны для участников местных событий (см.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 21. Л. 249), но 23 июля 1927 г. решила принять для Украины значок Осоавиахима, предложенный Всесоюзной Комиссией, отменив свое постановление о предоставлении права выпуска такого значка обществу «Друг детей» (см.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 19. Л. 108).

³⁷ 15 июля 1927 г. Комиссия ТатЦИК также отменила постановление своей агитационно-зрелищной подкомиссии о выпуске в республике собственного юбилейного значка (НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1062. Л. 88), правда, 22 сентября монопольное право на выпуск юбилейного значка по Татарской республике все же было предоставлено обществу «Долой неграмотность» (см.: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 401. Л. 2; НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1062. Л. 94).

³⁸ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 21. Л. 120; Д. 24. Л. 16.

³⁹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 21. Л. 157.

⁴⁰ Перстни к 10-летию Октября выпустил Отдел охраны материнства и младенчества Наркомздрава (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 21. Л. 157).

⁴¹ НАРТ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 1530. Л. 100 – 101.

расили и заизолировали провода надворных фонарей Казани⁴². О функциональности выпущенных к празднику кружек⁴³, предметов одежды, а тем более, «октябрьского пряника» (о котором писал Подвойский) упоминать, видимо, излишне. В те небогатые времена большинство этих предметов являли собой материальную ценность, хранились в качестве таковой, денно и нощно воздействуя на образы памяти обладателя. Значимость памятных вещей для закрепления праздничных мифологических образов в памяти последующего поколения была тем большей, что она многократно усиливалась и эмоционально окрашивалась воспоминанием о близких (родителях, дедах и бабках), бывших первыми владельцами этих реликвий и участниками праздничных событий.

Мемориальные вещи, хранившие тепло родных рук, и тем самым сакрализованные для потомка, способствовали и сакрализации как далеких праздничных событий, так и еще более дальних отмечавшихся ими исторических дат. И, кроме того, эти вещи способствовали переводу тех и других событий из сферы общественной, коллективной в индивидуально-интимную: коллективные мифы о событии подкреплялись семейными мифами о владельце памятной вещи. Надо ли говорить, что хотя власти и не могли контролировать бытование и содержание этих многочисленных «одомашненных» мифов, само их наличие вполне способствовало реализации изначальной цели, ради которой выпускались мемориальные предметы – они стирали индивидуальные воспоминания об историческом событии, подменяя их коллективными впечатлениями от празднеств.

---

⁴² НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 621. Л. 74 – 75; Д. 620. Л. 35; Д. 1062. Л. 88.

⁴³ Юбилейные кружки, а также флажки и повязки выпустила Деткомиссия при ВЦИК (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 21. Л. 157).